

ИННОВАЦИОННАЯ МАРКЕТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

Валентин Гольберт
Социологический институт РАН

Осуществляя инновации в производственной, политической, экономической и иных сферах, очень соблазнительно абстрагироваться от социокультурных аспектов и свести всю многообразную реальность в плоскость одномерных формул, допускающих примитивную бухгалтерию монетарных эффектов и издержек в их достижении. Однако результаты основанных на такой бухгалтерии инновационных стратегий неизменно оказываются с точностью до наоборот обратными ожидаемым или, по меньшей мере, официально провозглашаемым. Один из свежайших примеров такого редуционизма в глобальном масштабе — социально и экологически безграмотное втискивание социальной реальности в прокрустово ложе идеологических формул рыночного фундаментализма, лежащего в основе инновационных амбиций авторов Вашингтонского консенсуса. Творцы оногo применили к «странам, ни языка, ни культуры, ни истории которых они не знают, жесткую и идеологизированную программу реформ, построенную на базе учебников экономики, написанных с единственной целью обоснования и оправдания англо-американской версии капитализма»¹. Авторы программ радикальной маркетинга общества успели уже признать неадекватность и некомпетентность собственных решений, чему свидетельством явилась «расширенная программа Вашингтонского консенсуса» (augmented Washington consensus)². Тем временем, сотни миллионов в различных уголках мира оплачивают преступное недомыслие и злоумыслие реформаторов, их кущее понимание инновационных процессов в валюте, которой обычно оплачивается дурная идеология в сочетании с большевистским рвением претворения её в жизнь — в человеческом страдании (Зигмунт Бауман). К этим уголкам мира относится и Россия, где ретивые реформаторы 1990-х гг. гораздо аутентичнее воспроизвели в крушении построенного дедами социального порядка образцы дедовского большевистского пыла, нежели вялостойкие защитники устоев, ставшие подследственными по делу ГКЧП и танковыми мишенями в Белом доме. Случайность ли, что инновации оказались результативнее в экономическом и технологическом отношении, а также и менее деструктивными в социальном отношении именно в тех регионах, где реформаторы были не столь ретивы, а реформы осуществлялись по программе, бывшей антиподом Вашингтонскому консенсусу³? Вопрос поставлен риторически.

Основа уроков российского опыта рыночных реформ — необходимость особого внимания человеческому и социальному измерению инновационно-преобразовательных процессов: их человеческим и социальным факторам и предпосылкам во-первых; человеческим и социальным последствиям во-вторых; человеческому и социальному содержанию в-третьих. Предметом инноваций тем самым становятся не только локальные, узкоспециальные, планируемые и контролируемые нововведения в частных областях социальной жизни. Речь идёт

и о широких социальных преобразованиях с открытым характером инициации, протекания и исхода, лишь отчасти контролируемых и включающих мощные спонтанные компоненты, в которых элементы стратегического планирования сочетаются с итеративным «внесением инноваций (второго порядка) в осуществляемую инновацию». В дискурсивно-идеологической плоскости представляется целесообразным преодоление извращённого соотношения средств и целей социальных преобразований, заданного работами нобелевского лауреата в области экономических наук Гэри Беккера, концептуальная почва для которых была в какой-то степени подготовлена и Йозефом Шумпетером. Идеи названных экономических авторитетов не содержат прямых указаний к рассмотрению людей (эвфемистически переопределяемых в человеческий капитал) в качестве средства к достижению экономических целей, в частности, обеспечению конкурентоспособности национальной экономики (равно как и марксизм не содержит прямых указаний к построению Гулага). Однако оба эти, столь различные по своей значимости и направленности, учения прямотаки предрасполагают себя для подобных вульгаризаций и инструментализаций.

Сомнительным представляется видение модернизации российского общества как безальтернативного, линейного и «векторно сверхдетерминированного» процесса: от командно-плановой экономики и однопартийной системы к рыночной экономике, демократии и плюрализму, только так и никак иначе, шаг вправо или влево — побег, прыжок на месте — провокация. В таком представлении должное или желаемое доминирует над сущим, а сложные вопросы о судьбах демократии и разных режимах экономической жизни в современном мире решаются походя, с фривольной поверхностностью. В итоге, «трансформационная структура» схематично располагается вдоль одномерного вектора модернизации, с властной и экономической «элитой» (доминирующие агенты изменений, верхушка госбюрократии и бизнесэлита) у острого и депривированными слоями населения, как это водится, в задней части⁴. Аттестовать «элитам» наибольший инновационный потенциал можно лишь, забыв исторический опыт. Именно те, кто наиболее комфортно устроился в рамках существующего порядка, обычно выступают в качестве носителей реакционного потенциала, использующего свои ресурсы для репрессивного подавления инновационных движений. Или, в лучшем случае, для аффирмативных усилий по сохранению основ отношений власти и угнетения, подавления и маргинализации за счёт косметического сглаживания и символического переопределения наиболее острых углов — когда, скажем, новые режимы «флексплуатации» (Пьер Бурдьё)⁵ стыдливо именуется «гибкими режимами труда». Плоским и лапидарным мифом о вероятности «пиночетовского» сценария модернизации «сверху» (по модели «я — часть той силы, что вечно хочет зла, а делает добро») следует противопоставить «заградительный огонь» подобный тому, что противопоставляет Пьер Бурдьё в цитируемой работе неолиберальной агрессии и обеспечивающему ей дискурсу. Трезвый научный анализ действительной способ-

1 Warde, I. (1995), Die Tyrannei des "oekonomisch Korrekten", In: Le monde diplomatique — die tageszeitung/WoZ v. 12.5.1995, S. 20/21.

2 Herr, H. & Priewe, J. (2005): Beyond the "Washington Consensus": Macroeconomic Policies for Development. — Internationale Politik und Gesellschaft 2, 72-97: 82.

3 Wade, R. H. (2005): Bringing the State Back In: Lessons from East Asia's Development Experience. — Internationale Politik und Gesellschaft 2: 98-115.

4 Заславская, Т. И. (2002): Социальная трансформация российского общества. — М.: Дело.

5 Bourdieu, P. (1998): Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstandes gegen die neoliberale Invasion. — UVK Universitaetsverlag Konstanz: 100.

ности и готовности элит к инициативному и активному участию в инновационных процессах предполагает учёт и инновативных практик расширения каналов переливания общественных средств в собственный карман.

В тесной взаимосвязи с авторитарным мифом «пиночетизации» находится либеральный миф о хороших реформах 1990-х гг. и негодном человеческом материале, неспособном по достоинству оценить эти реформы и воплотить их в жизнь⁶. Реформа не может считаться хорошей, если она разработана без знания и учёта возможной реакции тех, кого собираются реформировать и с кем собираются реформировать (по Заславской, депривированные агенты инноваций — недееспособные в смысле проявления реформаторской активности и ретроградные — стремлению к восстановлению старых советских и дореволюционных порядков). Если реформаторы ожидали активного участия рабочих, и в итоге прощались, то не рабочих следует считать отсталыми и «совковыми», а реформаторов бездарными и недалёкими. Тем более что рабочие очень верно оценили суть и смысл проводимых реформ — залезть к ним, рабочим, поглубже в карман, прикрываясь красивыми фразами о рыночной экономике и вступлении её в эпоху постфордизма. И ожидать иной реакции и иного участия в реформах, кроме пассивного саботажа и активного протеста, могли лишь наши реформаторы, руководствовавшиеся хорошо знакомыми в нашей многострадальной истории формулами: «через тернии (для других) к звёздам (для себя)» и «через насилие (в отношении других) к счастью (для себя)». В партикулярных классовых интересах рабочих в значительно большей степени, нежели в благоглупых социальных проектах среднего класса, представлены универсальные интересы социального целого⁷. И если «просвещённые элиты» проводят политику реформ, не интересуясь мнением рабочих о надлежащем её направлении, они тем самым не обеспечивают конструктивного и цивилизованного включения рабочих в эту политику. Тогда рабочие рано или поздно включаются, не ожидая приглашений, только происходит это уже, увы, отнюдь не в конструктивных и цивилизованных, а скорее в деструктивных формах: стыдно даже напоминать образованным в какой-то своей части реформаторам о соответствующих уроках отечественной истории.

Не следует слишком обольщаться и надеждой на средний класс как инновационно-реформаторский авангард⁸ (в терминах Заславской умеренный агент социальных изменений, средние слои бюрократии и востребованные властью слои научно-технической и творческой интеллигенции). Более глубокой и обоснованной представляется концептуализация среднего класса как сдementированного и габитуализированного в социальной структуре отрицания право- и левополярных позиций, противоречий, политики и движения. Подобной фантазмагорической фигурой псевдополитики «промеж левых и правах уклонов» была в своё время генеральная линия партии⁹. Отсутствию политического эффекта равнозначен и результат взаимного наложения какофонических, специфически «среднеклассовых» (постматериалистических, постмодернистских и прочих постполитических) претензий, предметом которых выступают (вполне материалистические, модернистские и политические)

ресурсы для обеспечения различных форм реализации индивидуальных и групповых свобод, возможностей и жизненных проектов. Радужные надежды на российский средний класс как гарант стабильности¹⁰ представляются сомнительными ввиду той роли, которую именно средний класс, а не рабочий, как это принято считать в последнее время, сыграл в 1930-е гг. в Германии в возведении национал-социалистов на пьедестал политической власти¹¹. Если же кто полагает, что новый средний класс совсем другой и ничего не имеет общего с тем прежним, будет весьма разочарован по прочтении работы Барбары Эренрайх о хронической болезни среднего класса в американском контексте¹². Болезнь состоит в том, что насколько этот класс мягок и пушист, либерален и гуманен, и даже постматериалистичен в условиях собственного материалистического пресупевания, настолько же он становится падок на любую антилиберальную демагогию правопопулистского толка при ощущении малейшей угрозы этому пресупеванию. Кто полагается на средний класс, делает себя заложником стабильного экономического роста, а кто в наши дни поставит хоть ломаный грош на его стабильность?

И ещё одно частное обстоятельство делает предложенную Заславской «трансформационную структуру» негодной для дальнейшего рассмотрения в качестве социально-структурного аспекта инновационной концепции. В схеме присутствует некий криминалитет, обособленный от других социальных слоёв и играющий вместе с экстремистскими структурами роль реакционного агента изменений. В криминологии и социологии преступности немного базовых истин, и одна из них состоит в том, что криминальные элементы ни в коем смысле не поддаются рассмотрению в качестве отдельной, «самоидентичной» социальной группы или слоя. В криминальную активность вовлечены носители всех социально-структурных идентичностей в равной мере: представители «верхушки государственной элиты» в той же степени и с более разрушительными социальными эффектами, соответственно их ресурсам, что и люмпенизированные части депривированных. Причём в классических работах криминальный тип адаптации определяется как инновация (Роберт Мёртон, вероятно, отнёс бы криминалитет к авангарду преобразовательных процессов, перевернув трансформационно-структурную схему Заславской с головы на ноги). Впрочем, и толики теоретического потенциала Мёртона не требуется, чтобы узреть инновационную роль «силовых предпринимателей» в качестве революционного класса, выполнившего всемирно-историческую миссию перехода от планового социализма к рыночному капитализму¹³. Кожаная куртка от прежней революционной силы осталась по наследству, добавились же спортивные штаны и золотые цепи в качестве символа революционности.

И ещё одно замечание общего характера. Социально-преобразовательные процессы принято рассматривать в контексте так называемой глобализации. Глобализация — контейнерное понятие, которое каждый может наполнить на своё усмотрение угодным ему содержанием. Большинство, впрочем, не наполняет ничем, исполь-

6 И это — не единственное проявление логического, дискурсивного и генетического родства либеральных тенденций 1990-х и авторитарных тенденций от 2000-го.
7 Zizek, S. (2001): Die Tuecke des Subjekts. — Frankfurt: Suhrkamp, 255 и далее.
8 Беляева, Л. А. (2001): Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. — М.: Академия, 174–75.
9 Zizek, S. (2001): Die Tuecke des Subjekts. — Frankfurt: Suhrkamp, 254.

10 Дилигенский, Г. Г. (2002): Люди среднего класса. — М.: ФОМ, 19.
11 Kraushaar, W. (1991): Extermismus der Mitte. Zur Geschichte einer soziologischen und sozialhistorischen Interpretationsfigur. — Lohmann, H.-M. (Hrsg.): Extermismus der Mitte. Vom rechten Verstandnis deutscher Nation. — Frankfurt/M.: 23–50.
12 Ehrenreich, B. (1992): Angst vor dem Absturz. Das Dilemma der Mittelklasse. — Verlag Antje Kunstmann/München.
13 По тексту: «класс — социальная группа, общественное явление, социальный институт и явление культуры», Волков, В. (2002): Силовое предпринимательство. — СПб и М.: ЕУ СПб/Летний сад: 8 и далее.

зую его нерелексивно и ассоциируя с развитием средств связи и передвижения, взаимозависимостью процессов в различных регионах и уголках земного шара. От частого нерелексивного употребления понятие имеет вид изношенный, разбитый и потасканный, но проблема не в этом, а в его идеологических импликациях. Оно соотносится с процессом интеграции национальных и региональных сообществ в единое целое и действительным развитием технических средств коммуникации. Эти процессы никто не может опровергнуть и остановить, и споры об их объективном характере протекают в основном в эпистемологическом русле выяснения смысла понятия объективности в социальных науках. В любом случае, процессы эти охватывают всю историю человечества, и на сегодняшний день нет никаких оснований говорить о вступлении их в некую новую фазу или эпоху, как это предполагает концепция глобализации (были подвижки и позначительнее). Параллельно наблюдаются социальные процессы сдвига отношений власти и собственности в пользу одних фракций населения и в ущерб другим. Эти процессы обозначаются понятиями новой экономики и нового капитализма, виртуализации, флексибилизации экономики, утраты государством суверенитета в регулировании социальных отношений, в частности, между трудом и капиталом (в области полицейской и военной репрессии суверенитет странным образом сохраняется и возрастает). В этой плоскости действительно наблюдается новая фаза, однако в не интеграции культур и национальных сообществ, а в развитии отношений угнетения, подавления и маргинализации. И этот аспект даже в той его части, в которой он является последствием коммуникативно-технологического развития, не имеет в себе ничего объективного. Он контингентен, т. е. может протекать или быть оформлен сознательными инновативными усилиями и по-иному, а не предоставлен мнимому стихийному течению, которое на деле определяется очень целенаправленной деятельностью финансовых и властных «элит». Понятие глобализации призвано скрыть эту контингентность, возможность альтернатив, и внушить, что объективные и неизбежные, никем не оспариваемые и безальтернативные процессы информационного и технологического развития столь же неизбежно и безальтернативно сопровождаются тем углублением социальных, экономических и политических диспропорций, которое мы наблюдаем. Что государство в условиях глобальной конкуренции и перед лицом всевластия ТНК не имеет иного выбора, кроме как «танцевать на цыпочках перед пугливой ланью капитала», которая тут же ускорит вдале, если государственно установленные стандарты защиты труда и окружающей среды покажутся ей слишком жесткими¹⁴. В результате на тех, кто протестует против нового режима экономических отношений как последствия интеграции глобального сообщества (многого последствия, прошу заметить), автоматически налагается клеймо противников технического и информационного прогресса, Интернета и самолётов, международных обменов и других невольных факторов становления нового режима экономических отношений — факторов, прошу заметить, мнимых¹⁵.

¹⁴ Впрочем, для тех, кто усматривает нечто новое как в глобализации, так и в подчинении политических субъектов интересам класса частных собственников, рекомендуется чтение работ классиков марксизма. Всё новое — хорошо забытое старое, а открытие глобализации — продукт плохой памяти?

¹⁵ Здесь очень кратко суммируются идеологические, эмпирические и концептуальные аргументы против инфляционного использования понятия глобализации и всеобщей одержимости им, представленные в следующих работах: Goldthorpe, J. (2003): *Globalisierung und soziale Klassen*, in: *Berliner Journal fuer Soziologie 3/Band 13*, S. 301-323; Krugman, P. (1999): *The Accidental Theorist*, London; Forrester, V. (2002): *Die Diktatur des Profits*, Deutscher Taschenbuch Verl.; Bourdieu, P. (1998): *Der Mythos "Globalisierung" und der europäische Sozialstaat*, in: цит. соч.: 39-52.

Литература

- Беляева, Л. А. (2001): *Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития.* — М.: Академия
- Волков, В. (2002): *Силовое предпринимательство.* — СПб и М.: ЕУ СПб/Летний сад
- Дилигенский, Г. Г. (2002): *Люди среднего класса.* — М.: ФОМ
- Заславская, Т. И. (2002): *Социальная трансформация российского общества.* — М.: Дело
- Bourdieu, P. (1998): *Gegenfeuer. Wortmeldungen im Dienste des Widerstandes gegen die neoliberale Invasion.* — UVK Universitaetsverlag Konstanz
- Ehrenreich, B. (1992): *Angst vor dem Absturz. Das Dilemma der Mittelklasse.* — Verlag Antje Kunstmann/München
- Forrester, V. (2002): *Die Diktatur des Profits*, Deutscher Taschenbuch Verl.
- Goldthorpe, J. (2003): *Globalisierung und soziale Klassen*, in: *Berliner Journal fuer Soziologie 3/Band 13*, S. 301-323
- Herr, H. & Prieue, J. (2005): *Beyond the "Washington Consensus": Macroeconomic Policies for Development.* — *Internationale Politik und Gesellschaft 2*, 72-97
- Kraushaar, W. (1991): *Extermismus der Mitte. Zur Geschichte einer soziologischen und sozialhistorischen Interpretationsfigur.* — Lohmann, H.-M. (Hrsg.): *Extermismus der Mitte. Vom rechten Verständnis deutscher Nation.* — Frankfurt/M.: 23-50
- Krugman, P. (1999): *The Accidental Theorist*, London
- Wade, R. H. (2005): *Bringing the State Back In: Lessons from East Asia's Development Experience.* — *Internationale Politik und Gesellschaft 2*: 98-115
- Warde, I. (1995), *Die Tyrannei des "oekonomisch Korrekten"*, in: *Le monde diplomatique — die tageszeitung/WoZ v. 12.5.1995*
- Zizek, S. (2001): *Die Tuecke des Subjekts.* — Frankfurt: Suhrkamp